

*Колоннада
Аполлона*

*Владимир Николаевич Чураков,
архитектор*

Цвета Петербурга

Высокий уровень петербургской колористики остался, увы, в прошлом. Теперь побеждают решения простейшие или случайные, не обоснованные ничем, кроме вкуса авторов или выгоды производителей работ. Хотя вряд ли кто станет спорить с тем, что цвет – важная составляющая художественного образа города, один из действенных инструментов формирования и поддержки традиций петербургской застройки, её эмоционального воздействия. Решение проблемы, наряду с мерами организационного характера, требует и внимательного рассмотрения исторической практики применения цвета при застройке Петербурга, и попыток определить субъективные и объективные обоснования этой практики.

Настоящая работа – одна из попыток такого рассмотрения и поиска, при этом автор не замахивался на задачу архивного поиска исторических фактов, а ограничился их изучением по работам историков, искусствоведов и архитекторов. Несомненную ценность представляют

в этом отношении произведения художников, а также описание цветовой гаммы исторического Петербурга путешественниками и писателями.

Историческая практика здесь рассмотрена с разбивкой на три этапа: XVIII век, XIX век – начало XX века и советский период, с учетом также периодов царствований. Итак, часть первая, от основания города.

I. От Петра I до Павла I (1703 – 1800)

Время Петра I.

Почти 22 года творил Петербург его основатель. Он родился, вырос и вступил на царство в Москве, однако немало поездил и по России, и за её пределами. Только в ходе Великого Посольства 1697–98 годов Петр побывал в Риге, Кенигсберге, Берлине, Магдебурге, Амстердаме, Гааге, Лондоне, Лейпциге, Дрездене, Вене [1, с. 268-271].

Бесспорно, образ будущего «парадиза» сложился у Петра по впечатлениям прежде всего этой поездки. Первой попыткой Петра построить в России что-то похожее на увиденное за рубежом, стало строительство в Москве Меншиковой башни (1701 – 1707). Она являет собой очевидный прототип будущей колокольни Петропавловского собора. Если такие замечательные здания, построенные в Москве русскими архитекторами в царствование Петра, как Сухарева башня, Земский приказ, Монетный двор, Лефортовский дворец, соединяли в себе западноевропейские принципы регулярности и ордеров с живописностью форм, силуэта и узорочья русской архитектуры, то Меншикова башня по формам – в основном западноевропейская, и только по содержанию являет собой один из традиционных русских типов «церкви под колоколы» [2, с. 309]. Но Петру явно хотелось резкого отрыва от московской «старины», он был, видимо, уверен, что кардинальное изменение формы позволит быстрее совершить рывок к изменению содержания, и город свой он решил строить по западноевропейским канонам и с западноевропейскими специалистами.

Первый свой дом («домик») в городе, из отесанных с двух боков бревен, он велел раскрасить «под кирпич» (отсюда и название – «Красные хоромцы»). По данным реставраторов, у дома была зеленоватая

кровля и оранжево-красные стены с белыми полосами, имитировавшими швы в кладке. Наличники и двери были темно-зелеными, при этом в интерьерах, на наличниках под десятью слоями масляных окрасок реставраторы обнаружили «полихромную роспись в виде цветочных гирлянд, а на дверях кабинета и столовой – пейзажи и изображения архитектурных мотивов» [3, с. 59-63].

Первоначальное *Адмиралтейство* в городе было построено за год, с ноября 1704 г. до ноября 1705 г. Петр I надписью на собственноручном чертеже, первом плане Адмиралтейской верфи, определил материалы и цвет построек: «жилья делать мазанками прямыми без кирпича, кузницы обе каменные $\frac{1}{2}$ кирпича, амбары и сараи делать основу из брусья и амбары доделать мазанками, а сараи обить досками так как мельницы ветряные обиты доска на доску и у каждой доски нижний край обдорожить и потом писать красною краскою» [4, с. 8]. Мазанковые строения скорее всего были полностью белыми с известковой окраской, без выделения цветом каркаса. Учитывая целесообразность выделения центра здания с башней, их цвет был, вероятнее всего, белым. Потом и Коробов также сделал центральную часть здания с башней белой.

В 1714 году Петр издал указ, в котором говорилось о цвете отделки деревянных зданий. Было указано «строить деревянное строение по чертежам, и то строение строить брусяное. А буде из целого (то есть круглого, без отёски лицевых сторон. – *В.Ч.*) лесу, то снаружи обивать тесом, и красить черленью или росписывать в кирпич» [5, с. 93]. То есть это был все тот же любимый красный цвет. И это пристрастие к красному и белому цветам в застройке Петербурга связано, конечно же, не только с зарубежными впечатлениями, но и с генетической цветовой памятью царя как русского человека и московского уроженца тем более. Ни в Амстердаме, ни в других городах Европы не найти было такого обилия красного вместе с белым и в постройках, и в предметах быта, как в России. Красный и белый цвета были основными цветами и русского народного костюма, и росписей на многих бытовых вещах, при этом зачастую в сочетании с оттенками зеленого, желтого, синего, хотя они играли и меньшую роль. Конечно, все народы заимствуют у других что-то интересное, удачное. Но это заимствование всегда накладывается на историческую память, на особенности

географии, природы, хозяйства, быта, наличие строительных материалов и практики их использования.

Каменный *дворец Меншикова* (центральная его часть, новоселье в котором было отпраздновано в октябре 1711 г.), по данным Ю. В. Трубинова, был окрашен по штукатурке в «жемчужно-серый тон», и на его стенах «красиво выделялись теплым желтым цветом вытесанные из вложенных в штукатурную кладку блоков пудостского камня, капители и базы колонн». А высокая двухуровневая с переломом крыша дворца была «раскрашенной белыми и красными ромбами “в шахмат”, как на Теремном дворце Московского Кремля» [6, с. 54-57]. Авторы же книги «Дворец Меншикова» утверждают, что его крыша была крыта «квадратными листами луженого железа, выкрашенными “в шахмат” красным суриком» (окраска белилами здесь не упоминается). При этом, по их утверждению, «...первоначальные фасады дворца, в подражание итальянским палаццо, были окрашены в темно-серый цвет» [7, с. 32]. Но такой цвет стен, учитывая климат Петербурга и практику застройки, кажется маловероятным. По их же данным, в 1721 году, после значительного расширения дворца, его «фасады получают более нарядное оформление, выгодно подчеркивающее их ордерную систему, – стены выкрашиваются золотистой охрой, а декоративные детали фасадов – светло-желтым колером» [7, с. 27]. С этим согласен и Ю. В. Трубинов, но он считает, что пилястры при этом были белыми [6, с. 71].

Одному из иностранцев, побывавшему в Петербурге в 1716 – 1717 годах, крыша дворца увиделась как розовая [5, с. 63], однако это вызывает сомнения: такой цвет на крышах Петербурга никогда никем не упоминался, отсутствует он и в работах художников. Опроверяют розовый цвет крыши дворца и данные, найденные Е. В. Анисимовым, о кровле дома генерал-прокурора Павла Ягужинского (1721). Тот потребовал, чтобы она была выкрашена так, «как выкрашена кровля на палатах светлейшего князя», и на её окраску было затребовано «50 пудов сурика, 2 пуда мумии, 22 ведра конопляного масла, 2 ведра олифы...» [8, с. 166]. То есть если «шахмат» и был, то между крашеным луженым железом и некрашеным.

Первоначальный цвет стен *Кикиных палат* (1714) реставраторы и археологи определили как красный при белых деталях фасадов и балюстраде [3, с. 144].

Летний дворец Петра I (арх. Д. Трезини и А. Шлютер, 1710 – 1714 годы), по мнению Ю. М. Овсянникова, имел «коричнево-красные прямоугольники барельефов на фоне светлой стены и золоченые оконные рамы» [9, с. 72]. Но К. В. Малиновский пишет только про «покрашенные желтой охрой фасады» [5, с. 72]. Крыша дворца, по мнению В. Шварца, «сначала была черепичная, а потом крышу делали из белого железа» [10, с. 30].

По данным Ю. М. Овсянникова, *первый (деревянный) Зимний дворец* Петра, построенный в 1708 г., «был расписан под кирпич на голландский манер», а *первый каменный Зимний дворец* Петра (1711 г.) «по желанию царя... окрасили в белый цвет, позолотив оконные рамы и архитектурные детали» [9, с. 82].

Применялись во времена Петра, хотя и реже, и оттенки желтого при покраске стен. А. И. Богданов сообщает, что первая, деревянная, *церковь «святых первоверховных Апостолов Петра и Павла...»* расписана была под каменный вид желтым мрамором», и «цейхгауз, напротив соборной церкви... строение небольшое... выкрашено было такую же краскою, как и церковь желтова мрамора каменным расписанием» [11, с. 34, 35]. Меншиковский дворец в 1721 году также окрасили в оттенки желтого, заменив прежний серый, а *второй Зимний дворец* Петра (1724 г.) изначально был окрашен «золотистой охрой с белыми архитектурными деталями» [9, с. 158].

Петр в 1721 г. обратил внимание и на неприглядный вид бойни в устье Мойки и повелел её постройки «поставить в линию регулярно, подобностью якобы жилое строение и с фальшивыми окошками и для лучшего виду расписать красками» [13, с. 48].

Зеленый цвет для отделки наружных стен при Петре был редкостью. К. Л. Берк в «Путевых заметках о России» пишет об *Итальянском дворце* на Фонтанке (1723): «он единственный из всех, когда-либо виденных мною, окрашен в зеленый цвет», при этом крыша дворца была покрыта черепицей [5, с. 161]. А вот в интерьерах зеленый цвет применялся в Петербурге изначально – например, в «Красных хоромцах» – почти черно-зеленый («староголландский», как называет его Е. В. Анисимов) для дверей и наличников. И для крыш зеленая краска наверняка часто использовалась.

Мосты при Петре I также ярко раскрашивали, и они получали названия не только по местоположению (например, «Аничков»), но и по цвету: «Зелёный», «Красный», после Петра – «Жёлтый», «Синий».

Поскольку штукатурка кирпичных стен производилась не сразу после возведения коробки здания, да и не всегда они штукатурились, цвета кирпича (в основном, красный и коричневатый) тоже вносили свой вклад в формирование цветового облика города. Такой же цвет имела и черепица, она тоже выпускалась в Петербурге, но в сравнительно небольших объемах [13, с. 105]. Везли эти материалы и из-за границы. Например, в 1721 г. Петр распорядился доставить из Голландии 2 млн. штук кирпича «крепкого» и «черепицы самой хорошей» двести тысяч. И уже летом того года в Петербург пришла первая партия желтого кирпича в 40 тысяч штук [8, с. 106].

Работали в Петербургской губернии во времена Петра не только кирпичные и черепичные заводы, но и фабрика «красочной прозелени, вохры червленной» (т.е. красной) [13, с. 112]. Последняя краска, видимо, использовалась и для росписей деревянных стен «под кирпич». Она дает более радостный, яркий и светлый цвет с оранжевым оттенком, по сравнению с лицевым красным кирпичом из обычной глины.

Время Екатерины I, Петра II, Анны Иоанновны и Анны Леопольдовны (1725 – 1741).

Завершенная уже после смерти Петра I деревянная «Зала для славных торжествований» (1725) имела стены белого цвета с окраской «снаружи белилами, внутри – мелом», а кровлю – красного цвета. Стены *Исаакиевской церкви* в 1729 году также были выкрашены в белый цвет [5, с. 207, 236].

При Анне Иоанновне оттенки желтого цвета стали в городе особо популярными, Этот цвет, видимо, в большей мере, чем другие, напоминал приближенным императрицы родные места, где широко применялись известняки желто-серых тонов, но с этим цветом обязательно сочетался белый. Датский моряк П. фон Хавен, побывавший в Петербурге в 1736 году, записал, что здесь «красивые каменные дома окрашены в желтый и белый цвет» [8, с. 165]. Также был окрашен и Анненгоф в Лефортово [9, с. 233].

По цветам отделки здания *Двенадцати коллегий* (1722 – 1741), которое частями стало вводиться при Анне Иоанновне, сведения расходятся. К. В. Малиновский приводит данные о потребности в красках для Мануфактур-коллегии: на стены «белил немецких двадцать пуд, вохры светлой десять пуд, сажи русской один пуд, мумии – один пуд», а на крышу «сурику пять пуд, черлени десять пуд» [5, с. 262]. А вот Ю. М. Овсянников утверждает, что здание Двенадцати коллегий имело «насыщенное отношение красного цвета с белым», в том числе «высеченные из белого камня мифологические фигуры» [9, с. 140]. Кстати, на приведенной в другой его книге гравюре Я. Внукова, сделанной по рисунку Махаева, цвета отдельных коллегий затейливо чередуются [14, с. 68]: крыша первой от Невы коллегии, далее все нечетные – серо-зеленоватые, а все четные – красные, а для стен здесь использовано три цвета (не считая белых деталей): красный, желтый и белый, при этом цвет стен первой коллегии – целиком красный, кроме белых деталей. А у других коллегий для стен попеременно использованы по два цвета (не считая белых деталей): то желтый и белый, то желтый и красный, то красный и белый. Возможно, что это всего лишь придумка художника, так как на остальных раскрашенных гравюрах XVIII века по рисункам М. И. Махаева, цвет стен этого здания везде желто-охристый с белыми деталями и коричнево-красной крышей [15, с. 6, 70, 73, 136]. Однако, когда раскрашивались все эти гравюры – «бог весть».

Интересны и даже неожиданны данные К. М. Малиновского о наружной отделке каменного *Петропавловского собора* (освящен в 1733 г.): «Стены собора были окрашены в голубой цвет, пилястры и карниз – в белый, кровля, купола колокольни и алтарный купол – в темно-синий, шпиль с крестом и фигурой ангела и купол фонарика над алтарным куполом были позолочены» [5, с. 103]. Такая расцветка имела свои резоны: при начинающей преобладать в то время желто-белой окраске петербургских зданий и в то же время при значительной роли красно-белого она ярко выделяла собор и в застройке города, и в прилегающем ландшафте. И такое смелое решение мог предложить только Франческо Растрелли.

Времена Елизаветы Петровны (1741 – 1761).

Судя по портретам Елизаветы, в одежде её любимыми были смешанные и неброские оттенки природных цветов неба, моря, растений. И возвышение при ней (не по должности, а по уровню возможностей) такого гениального зодчего, как Франческо Растрелли, несомненно, обогатило цветовую палитру петербургской застройки.

Цвета отделки многих зданий Растрелли стали каноническими. Например, Ю. М. Овсянников обозначает так первоначальные цвета построек Растрелли: «бело-синий» *Смольный монастырь*; «бирюзовый тон *Эрмитажа*» (в *Царском Селе*); «голубой (лазоревый) – дворца и золотисто-желтый с синим куполом *Монбизу*» (там же); «белые колонны, пилястры, карнизы и лепные украшения на голубом фоне стен» (об *Андреевской церкви* в Киеве) [9, с. 275]. При этом Г. К. Козьян сообщает, что и в Смольном соборе, и в Андреевской церкви «... для большего эффекта первоначально при окраске фасадов насыщенность цвета сделали разной: внизу – интенсивной, выше – белее» [16, с. 240].

Об особом пристрастии Елизаветы к зеленым тонам говорят и сведения К. В. Малиновского: в 1743 г. Елизавета в числе других работ по Летнему саду повелела «... золотую палату, что в третьем саду, выкрасить крышу красною, стены кругом зеленою, а столбы и прочие деревянные украшения белую красками» [5, с. 320].

Постройки *Александрово-Невского монастыря* и при Елизавете, по традиции, окрашивались в красный и белый цвета. Например, построенные в 1751 г. флигели Федоровского корпуса были обшиты досками и выкрашены «во-первых, с маслом копорскою красною черленью, а сверх того, по прибытии из-за моря кораблей, стокгольмского черленью ж» [5, с. 337].

Лютеранская церковь Св. Анны фахверковой конструкции, начатая в 1735 г. и освященная только в 1746 г., была «снаружи обита досками, окрашенными в желтый цвет, и украшена полуколоннами и наличниками окон белого цвета» [5, с. 267].

С 1750-х годов, в качестве одного из источников по колористике Петербурга, можно привлекать и работы художников. Понятно, что в полной мере доверяться им при определении исторического цвета отделки зданий было бы опрометчиво: у художника, как и у любого человека, могут быть определенные особенности восприятия и

воспроизведения цвета, свои цветовые пристрастия. Есть и видение художником цветового образа картины в целом, и законы композиции, и время создания.

Первые виды Петербурга в цвете появились при Елизавете Петровне к 50-летию города. М. И. Махаев с помощью камеры-обскуры выполнил много видов Петербурга, по его рисункам были выполнены гравюры под руководством И. А. Соколова, а художник П. Э. Гриммель раскрасил, по крайней мере, 2 «подносных» (подарочных) экземпляра альбома [15, с. 7]. Однако неясно, в какое время были раскрашены сохранившиеся до наших дней гравюры по рисункам Махаева. Например, по мнению Г. Н. Комеловой, «раскраска гравюр, хранящихся в Эрмитаже, относится к 1790-м годам и сделана неизвестным художником.., она довольно условна и вряд ли передает подлинный “цветовой” облик города середины XVIII в.» [17, с. 19]. Встречается, кстати, немало вариантов различной раскраски одинаковых гравюр, на которых одни и те же здания имеют разные цвета (например, «Проспект Государственных коллегий...», «Проспект по реке Фонтанке от Грота и Запасного дворца», «Проспект новопостроенных палат против Аничковских ворот...» и др.). Однако, с точки зрения общей оценки колористики городской застройки, эти источники, хотя и с оговорками, также стоит рассматривать, тем более что по многим зданиям иные данные пока отсутствуют.

На этих гравюрах стены Зимнего дворца Анны Иоанновны всегда окрашены в желтый тон с белыми деталями, а крыша имеет зеленый цвет. Такие же по цвету стены имеют на Васильевском острове *Меншиковский дворец*, здание *Двенадцати коллегий*, *Кунсткамера*, *дворец вдовствующей царицы Прасковьи Федоровны* и многие другие здания, при этом большинство из них имели коричнево-красные крыши и меньшая часть – зеленые [15, ил. 6, 10, 11, 12]. *Адмиралтейство*, отстроенное Коробовым, имело два цвета: центральная часть, с башней и шпилем, была с белыми стенами, как и корпусы флигелей, ближайших к Неве. Остальная часть стен здания имела красновато-желтый цвет, а крыши все были коричнево-красные.

Летний дворец Елизаветы Петровны на гравюрах имеет основной жёлто-охристый цвет стен с белыми деталями [15, с. 202 и др.], Ю. М. Овсянников определяет цвет стен дворца как «светло-розовый

с белоснежными декоративными украшениями» [14, с. 87]. Явный красноватый оттенок имеет жёлто-охристый тон стен дворца на картине маслом неизвестного художника третьей четверти XVIII века [ГРМ, 12, ил. 22].

Аничков дворец на офорте Я. В. Васильева [15, ил. 214] имеет основной желтый тон стен с белыми деталями, желтыми (золочеными?) куполами и главками на флигелях и серо-зеленый цвет основной крыши, но на варианте раскраски того же офорта из Эрмитажа крыша дворца, включая купола и главки, вся – синего цвета, а детали белым не выделены [18, с. 179].

Строгановский дворец (1756), по данным Ю. В. Трубинова, первоначально имел «терракотовую* окраску», которую граф А. С. Строганов к началу XIX века «заменял желто-розовым цветом, что и зафиксировали видописцы Петербурга первой половины XIX в.» [19, с. 59]. В то же время Н. Русов в 1911 г. утверждал, что «дворец ранее был окрашен в желтовато-серый цвет дикого камня, а выступающие части – в белый. Более 50 лет, как он красится в темно-красный цвет» [20, с. 24]. На офорте Е. Г. Внукова, сомнительно датированном 1761 г. (автор раскраски не известен) [15, ил. 197], дворец имеет основной желтый цвет стен с белыми деталями и зеленую крышу. Но фасады здесь сделаны явно не с натуры, а по одному из вариантов проекта, да и с освещенностью и тенями на этом офорте полная неразбериха, так что достоверность его сомнительна.

Есть работа маслом неизвестного художника, явно уже по другому рисунку того же М. И. Махаева [12, ил. 30; 21, 37], датированная третьей четвертью века, но и здесь неразбериха с солнцем и тенями также имеется. Основной цвет стен дворца светло-серый с легким зеленым оттенком, детали – белые, крыша – зеленая. Угловой *жилой дом Ж. Б. Леблона*, расположенный напротив дворца через Невский пр., имеет светло-охристые стены с более светлыми наличниками и коричнево-красной крышей. На офорте крыша этого дома такая же по цвету, а вот основной тон стен – скорее светлый серо-охристый. *Дом Главной полицмейстерской канцелярии*, рядом с домом Ж. Б. Леблона, имеет на

* Термин этот некорректен: терракота означает обожженную глину, но и глина бывает разной, и обжиг ее бывает разным, а поэтому и цвет продукции бывает разным: красным, коричневым, розовым, желтым и др.

*Vue des bords de la-Néva en descendant la riviere entre le Palais
d'hiver de Sa-Majesté-Imperiale & les batimens de l'Academie des-Sciences*

*Нева и Академия наук.
Гравюра Г. А. Качалова по рисунку М. И. Махаева. 1753 г.*

картине маслом не красноватую, а чёрно-зеленую крышу. И основной цвет стен лютеранской *церкви Апостола Петра* здесь не желтый, как на офорте, а зеленый. Поскольку дворец на картине маслом больше соответствует его реальному виду, а датировка картины очевиднее, то и цветовое решение здесь достовернее.

Особого рассмотрения заслуживает история цвета Зимнего дворца. *Зимний дворец* – одно из важнейших, опорных для города зданий, от его цвета зависит колористика большого и важного для образа города массива прилегающей застройки. О цвете его стен написано много, но ясной картины до сих пор нет. Первоначальный цвет стен дворца считается безусловно определенным на основе записей в журнале Гоф-интендантской конторы, по которой в 1762 г. дворец был «снаружи раскрашен: стены песчаной краской с самою тонкою прожелтью, а орнаменты белой известью» [22, с. 46]. Подразумеваются ли здесь под

орнаментами только наличники, или и другие детали и колонны – неясно. Г. К. Козьян трактует указанный цвет стен как «цвет светлой терракоты*» [16, с. 283], и при этом сообщает, что это «Растрелли распорядился окрасить стены дворца» упомянутой выше краской. Однако ссылки на источник, подтверждающий, что это было распоряжение самого Растрелли, здесь нет. Кажется невероятным и то, что Елизавета могла дать согласие на такую окраску стен дворца.

Так же трудно себе представить, чтобы дворец, пусть даже отделываемый по частям (к осени 1759 г. был оштукатурен фасад, выходящий на Дворцовую площадь, а в «июне 1760 г. наружные штукатурные работы были закончены» [22, с. 44-48]), до 1762 г. ни разу не был покрашен, хотя бы вчерне, для защиты от осадков. Но тогда в какой цвет? Надо признать, что и в целом палитра исторических окрасок дворца до конца не разгадана. Вот краткий обзор имеющихся на этот счет мнений и сведений.

В 1937 г. архитектор Н. В. Вейнерт, уважаемый историк архитектуры, заявил в своей статье, но без ссылок на источник, что стены Зимнего дворца при возведении были оливково-серого цвета [23, с. 56].

П. Я. Канн в 1955 г. писал (также без ссылок на источник): «в дореволюционные годы окраска фасадов Зимнего дворца много раз менялась (при реставрации 1927 года были обнаружены 13 различных цветовых слоев на дворцовых стенах)» [24, с. 102].

В. М. Бузинов в 2001 г. написал, что дворец за годы своего существования был и «зеленым, и темно-красным, и розово-кирпичным, и даже оранжевым» [25, с. 48].

А вот что писали реставраторы об окраске фасадов дворца в 1946 г.: «За основу их новой расколеровки были взяты образцы окраски, которые ещё в 1941 г. удалось выявить под позднейшими наслоениями... Стены здания окрасили в бирюзовый цвет, карнизы, колонны и наличники – в белый, а всю лепку – под патинированную бронзу. Так было восстановлено ранее существовавшее колористическое решение» [3, с. 188].

А. Н. Воронихина и Т. М. Соколова считали возможным при определении цвета окраски Зимнего дворца опираться на работы художников. Они утверждают, что первоначально дворец был окрашен в

* См. сноску на с. 15.

розово-желтые тона с белыми колоннами [26, с. 14]. Но на какие работы опирается это утверждение? Самое раннее из изображений дворца в цвете принадлежит, насколько мне известно, Ф. Я. Алексееву (1793 г.), и сделано оно более чем через 30 лет со дня возведения дворца. Здесь, безусловно, нужны дополнительные архивные исследования и я надеюсь, что те, кто имеет счастливую возможность работать в архивах, когда-нибудь смогут найти ответы на имеющиеся вопросы.

Время Екатерины II и Павла I.

При Екатерине II было отправлено в отставку барокко, вместе с его блистательным апологетом Франческо Растрелли, и самым ярким его последователем Саввой Чевакинским. Экспрессия и бурная пластика стали считаться дурным тоном. Вместе с Екатериной на архитектурный престол вступил новый стиль – классицизм с его ясностью, спокойствием, статичностью и относительной простотой. Куда сдержаннее стала и цветовая палитра. Портики и колоннады теперь правили бал, и их светотень стала заменять игру цветов, их сочетание и контрасты, столь важные для застройки предыдущих лет. Да и у самой Екатерины II не было особых цветовых пристрастий. Об этом можно судить и по её «Запискам...», и по множеству её портретов. Большинство же проектировавших при Екатерине архитекторов были убежденными палладианцами, многие видели работы Андрея Палладио воочию, как и другую историческую и современную им застройку Франции и Италии. Безусловно, велико было влияние творчества Палладио на них и в части цветовых решений.

Андреа Палладио и другие итальянские архитекторы по давней и логичной традиции делали цоколь, базы колонн, капители, сандрики и другие наиболее ответственные элементы зданий из естественного камня, хотя часто из него был сделан и фасад целиком. Естественно, что цвет остальной части стен должен гармонировать с цветом этих элементов и с цветом крыш из глиняной черепицы. Отсюда и светло-серые, жёлто-охристые и красноватые оттенки в окраске оштукатуренных стен и колонн.

Если же вернуться к колористике застройки Петербурга, то вот что писал К. Шторх в 1794 году: «Так как здесь строят сплошь из кирпича, наружные стены окрашиваются в разные цвета, среди которых самыми любимыми сейчас являются зеленый и “кофе с молоком”»

[цит. по 5, с. 489]. У К. В. Малиновского же есть цитата и из книги П. И. Беллермана 1788 г. (посетил город в 1781 г.): «Вид этого имперского города неописуемо красив... Белоснежные улицы, сотни башен и башенок с красными, зелеными, синими, белыми и полностью позолоченными куполами и крышами...» [5, с. 488]. Необычные для западноевропейских городов приемы окраски крыш Петербурга отмечал и английский художник и путешественник Р. К. Портер, приехавший в Петербург в 1804 г. (в книге 1809 г.): «Повсюду, вглубь и вширь, улицы прекрасно украшенных каменных зданий, перемежающихся с еще более величественными дворцами знати, крыши которых необычайно раскрашены в яркие цвета, гармонично сочетающиеся с золочеными куполами и шпилями соседних церквей» [цит. по 5, с. 503].

Обогащало колористику застройки при Екатерине и более широкое применение для фасадов естественного камня. Например, у Ринальди – в Мраморном дворце, Исаакиевском соборе, постройках Гатчины, у Ч. Камерона – в Павловске и Царском Селе.

Прекрасным образцом использования в решении фасадов лицевого кирпича и натурального камня (колонны, триглифы и сухарики из тесаных гранитных блоков и известняк в других деталях) явилась *Арка «Новой Голландии»* Ж. Б. Валлен-Деламота (1765). Этот приём не получил широкого распространения в застройке Петербурга прежде всего из-за дефицита качественного лицевого кирпича, да и климат наш требует от застройки больше света. Поэтому фасады из лицевого кирпича применялись тогда в Петербурге ограниченно, в основном, для восторстепенных построек.

Цветовую гамму застройки значительной части Невского проспекта в конце царствования Екатерины и при Павле можно оценить по акварели Б. Патерсена «Невский проспект у Гостиного двора» (1799 – 1800) [18, с. 189–191]. Преобладающая часть зданий имеет здесь окраску стен легкими желтыми тонами, одно – розовым, три – светло-зеленым, крыши имеют коричневатый цвет, купола церквей – синий.

Лебединой песней стал для Павла комплекс сооружений *Михайловского замка*. Цокольный этаж замка облицован большеразмерными плитами из темно-серого гранита, колонны, пилястры и некоторые другие детали портиков сделаны из розового мрамора, обелиски, аттик, карниз, базы колонн – из светло-серого мрамора. Рельеф фронтона сделан из пудостского камня, фриз колоннады главного фасада – из

яркого порфира [27, с. 174-176]. Нечеткие сведения о цвете оштукатуренных стен замка. Немецкий писатель Август Коцебу, которому Павел I поручил сделать описание дворца, цвета фасадов замка обозначает довольно странно: на южном (главном) фасаде колонны у него «из туземного (? – В.Ч.) красноватого мрамора», но колонны северного и восточного фасадов уже из «красного (!?–В.Ч.) мрамора», стены окрашены «в красноватый цвет», о котором он, немного погодя, пишет: «столь резкий красный (!? – В.Ч.) цвет» [29]. Здесь явно были проблемы то ли с восприятием цвета у писателя, то ли с переводом сначала с немецкого на французский, а потом с французского на русский. Это сомнительное в цветовом отношении описание долго вводило в заблуждение многих писателей и исследователей. Например, его повторяет М. И. Пыляев [28]; еще 10 лет назад некоторые специалисты были уверены, что замок имел «необычный красно-кирпичный цвет окраски фасадов», который связывался с тем, что «красный цвет использовался в символике Мальтийского ордена» [30, с. 14; 31, с. 78]. Однако, если судить по Каталогу проектных решений и архитектурных моделей замка и окружающих его построек [30], то можно говорить скорее о розово-жёлтом (розово-золотистом) цвете стен и на этих чертежах, и на проектных моделях фасадов и разрезов [30, с. 151-153].

Сохранившаяся до начала XXI века (вероятно, со второй половины XIX века) красно-кирпичная окраска была совершенно неуместна и неорганична для этого здания, в котором все же преобладают архитектурные элементы и детали классицизма. На фоне этой окраски, чрезмерно насыщенной и контрастной для розовых и светло-серых мраморных элементов, странно и чуждо смотрелись портик и колоннада центрального ризалита. Замок никогда не был таким и на картинах художников первой половины XIX века, обычно его стены писали розово-жёлтыми тонами, например, Ф. Я. Алексеев (1800) и А. Е. Мартынов (1821 – 1822) и др. Вероятнее всего, цвет замка был выбран Павлом, исходя из принадлежности его к высшему масонству. По данным В.В. Похлебкина, масонство делилось (или делится?) на «Голубое», «Красное» и «Розово-золотое» (высшее) [32, с. 372-376]. Недавно реставраторы под слоем штукатурки (видимо, локальным), обнаружили «исторический колер – «розово-оранжево-желтый» [33], который вполне может быть обозначен и как «розово-золотистый».

Такова колористическая картина Петербурга в XVIII веке. Она, конечно, не полна – многие здания в ней отсутствуют, но, в силу значимости большинства остальных, попавших в эту картину зданий, она позволяет дать общую оценку развития колористики города, определить тенденции и причины использования тех или иных цветовых решений.

Библиография к 1 части

1. *Гузевич Д. Ю.* Великое посольство / Д.Ю. Гузевич, И.Д. Гузевич; Междунар. благотворит. фонд спасения Петербурга-Ленинграда. – СПб.: Феникс, 2003. – 312 с.
2. *Пилявский В. И.* История русской архитектуры / В.И. Пилявский, А.А. Тиц, Ю.С. Ушаков. – Л.: Стройиздат, Ленингр. отд-ние, 1984. – 512 с.
3. Восстановление памятников архитектуры Ленинграда / А.А. Кедринский, М.Г. Колотов, Б.Н. Ометов, А.Г. Раскин. – 2-е изд., испр. и доп. – Л.: Стройиздат, Ленингр. отд-ние, 1987. – 486 с.
4. *Пилявский В.И.* Главное Адмиралтейство в Ленинграде. – Л.; М.: Искусство, 1945. – 107 с.
5. *Машиновский К.В.* Санкт-Петербург XVIII века. – СПб.: Крига, 2008. – 576 с.
6. *Трубинов Ю.В.* Палаты светлейшего князя Меншикова. – СПб.: Левша, 2003. – 170 с.
7. *Калязина Н.В.* Дворец Меншикова / Н.В. Калязина, Л.П. Дорофеева, Г.В. Михайлова. – М.: Сов. художник, 1986. – 219 с.
8. *Анисимов Е.В.* Петербург времен Петра Великого. – М.: Центрполиграф, 2010. – 430 с.
9. *Овсянников Ю.М.* Великие зодчие Санкт-Петербурга: Трезини. Растрелли. Росси. – СПб.: Искусство : Северо-Запад, 1996. – 592 с.
10. *Шварц В.С.* Ленинград. – Л.; М.: Искусство, 1966. – 388 с.
11. *Богданов А.И.* Историческое, географическое и топографическое описание Санктпетербурга, от начала заведения его, с 1703 по 1751 год... / доп. и изд. В. Рубаном. – СПб., 1779. – VIII, 528, 30 с., 109 л. ил.
12. Санкт-Петербург: портрет города и горожан / Гос. Русский музей; вступ. ст. В. Гусева, Е. Петровой. – СПб.: Palace Editions, 2003. – 485 с., ил. (Альманах ; вып. 33).
13. *Луттов С.П.* История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. – М.; Л.: Изд-во Академии Наук, 1957. – 190 с.
14. *Овсянников Ю.М.* Три века Санкт-Петербурга. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2003. – 504 с.

15. *Лурье Ф.М.* Блистательный Петербург. – СПб.: Золотой век: Аврора, 2002. – 312 с.
16. *Козьян Г.К.* Франческо Бартоломео Растрелли // Зодчие Санкт-Петербурга, XVIII век. – СПб.: Лениздат, 1997. – С. 217-290.
17. Виды Петербурга и его окрестностей середины XVIII века / грав. по рис. М. Махаева; [из собрания Гос. Эрмитажа; сост. и авт. текста Г.Н. Комелова]. – Л.: Сов. художник, 1968. – 96 с.
18. Санкт-Петербург в акварелях, гравюрах и литографиях XVIII – XIX веков из собрания Государственного Эрмитажа / сост.: Г.А. Миролюбова, Г.А. Принцева, В.О. Лоога. – СПб.: Арка, 2009. – 208 с.
19. *Трубинов Ю.В.* Строгановский дворец // Дворцы Невского проспекта. – СПб.: Белое и черное, 2002. – 255 с.
20. Историческая панорама Санкт-Петербурга и его окрестностей. – М.: Образование, 1911. – Ч. 1: От основания Петербурга до Екатерининской эпохи. – 1911. – 28 с.
21. Город глазами художников : Петербург – Петроград – Ленинград в произведениях живописи и графики / сост. и авт. текста: А.М. Гордин, Ю.М. Денисов и др. – Л.: Художник РСФСР, 1978. – 394 с.
22. Эрмитаж: история и архитектура зданий. – Л.: Аврора, 1974. – 279 с.
23. *Вейнерт Н.В.* К истории Дворцовой площади в Ленинграде // Архитектура СССР. – 1936. – № 5.
24. *Канн П.Я.* Площади революционных восстаний. – Л.: Лениздат, 1955. – 167 с.
25. *Бузинов В.М.* Дворцовая площадь: неформальный путеводитель. – СПб.: Остров, 2001. – 256 с.
26. *Воронихина А.Н.* Эрмитаж: здания и залы музея / А. Н. Воронихина, Т. М. Соколова. – Л.: Сов. художник, 1968. – 119 с.
27. *Булах А.Г.* Каменное убранство Петербурга: шедевры архитектурного и монументального искусства Северной столицы. – М.: Центрполиграф, 2009. – 315 с.
28. *Пыляев М.И.* Старый Петербург: рассказы из былой жизни столицы. – СПб.: Паритет, 2003. – 478 с.
29. *Коцебу А.* Краткое описание императорского Михайловского дворца 1801 года // Русский архив. – 1870. – С. 969–998.
30. Михайловский замок. Замысел и воплощение: архит. графика XVIII – XIX веков: каталог. – СПб.: Гос. Русский музей, 2000. – 167 с.
31. *Асвариц М.Б.* Михайловский замок / М.Б. Асвариц, Е.Я. Кальницкая и другие. – СПб.: Белое и Черное, 2001. – 316 с.
32. *Похлебкин В.В.* Словарь международной символики и эмблематики. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. – 543 с.
33. *Ратников Д.* У замка чужая стена // Санкт-Петербургские ведомости. – 2011. – 18 янв.